



УДК 9(571.53)(003)+75(569.4)(092)Арбитман

Пока мы молодые (Отрывки из воспоминаний)*

С. А. Арбитман

Аннотация. Перу С. А. Арбитмана принадлежат несколько биографических произведений: «Что было, то было», «Саша, Сашенька, Александр». Предлагаемые читателю отрывки из книги воспоминаний «Пока мы молодые» охватывают студенческие годы автора, которые прошли в Иркутске в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в.

Ключевые слова: Иркутск, мемуары, горно-металлургический институт, студенчество.

Студенты Иркутского горно-металлургического института (нынешний ИрНИТУ) проходили практику на угольных разрезах Черембасса. Учеба на инженера-электромеханика оказалась тяжелее, чем я думал. Сложность заключалась в том, что из нас готовили и электриков, и механиков. Поэтому в программу записали массу механики и электрики, мы параллельно изучали теорию машин и механизмов с кинематикой, статикой и всякими зубчатыми соединениями, сопромат, горные машины, гидравлику, горное дело и еще массу всего механического, а с другой стороны, на нас наседали электрические дисциплины. Там были, к примеру, теоретические основы электротехники, электрические машины, электроника, электроснабжение предприятий, измерения и защита электроустановок, и много еще всякого, что я уже забыл за давностью.

Первый экзамен по математике сдали все, правда, многие с большой натяжкой. Но несколько человек срезались на начертательной геометрии. Кто не знает, так это наука о пересечении разных тел, поверхностей и плоскостей. Теоретический аппарат этой науки был прост, но нужно было иметь пространственное видение, а оно или есть, или нет. И вот те, кто вообще не мог себе представить, что будет при пересечении шара, скажем, с конусом, пролетели. Им дали возможность пересдать в летнюю сессию, некоторые все же выползли, но троих мы не досчитались. А впереди были серьезные науки, и математический анализ с дифференциальными интегральным ис-

* Подготовлено к печати С. И. Кузнецовым.

Арбитман Соломон Абрамович (род. в 1941) в 1958–1963 гг. – студент горно-металлургического института в Иркутске. Более тридцати лет работал инженером на одном из заводов в г. Ангарске. В настоящее время живет в Израиле.

числением, и еще много страшных вещей, которыми нас пугали старшекурсники. Бытовала шутка, что если сдашь сопромат (сопротивление материалов) – можно жениться.

А кроме сопромата, впереди тревожной тучей напоздали теоретические основы электротехники, теория машин и механизмов (ТММ), которую студенты любовно прозвали «ТутМояМогила», теплотехника, гидравлика и т. д. и т. п. И еще на закуску «военка» – обучение на военной кафедре раз в неделю целый день. Из нас готовили артиллеристов. И совсем в радость исторический материализм (истмат) и диалектический материализм (диамат). Мат, одним словом. И еще месяц в году мы тратили на сельхозработы. Но о них потом, если не забуду...

Преподаватели были, в основном, пожилые и опытные. Некоторые очень пожилые. У этих пожилых и опыт был тоже очень пожилой. Ситуацию в таких случаях спасали молодые и рьяные преподаватели, которые вели практические занятия по предмету. Они на лабораторных или на практических еще раз объясняли сложные моменты, и это прилично помогало. Но встречались среди них такие рьяные, что не дай господь!

Были преподаватели, что называется, с большой буквы. Среди них запомнился Павел Иванович Курылев. Он преподавал теоретическую механику, по студенческой терминологии «термех». Там было три раздела: статика, кинематика, динамика, по разделу на семестр. Вот три семестра мы мучились, изучая эту сложную науку.

Павел Иванович был большой педант. Он приходил чисто выбритым, в чистом строгом костюме, при галстукe и, несмотря на то что приходилось много писать и чертить на доске, умудрялся заканчивать лекцию абсолютно чистым от мела. Не то, что наш препод по электрическим машинам, который заканчивал лекцию весь в мелу, как строительный рабочий.

Свой предмет Курылев знал превосходно. Но славился он тем, что рисовал на доске прямые, как по линейке, а окружности, как циркулем. Мы удивлялись этой его способности и восхищенно наблюдали, как на доске возникает чертеж, который сразу можно печатать в учебник. И еще Курылев важные формулы обрамлял и, в зависимости от важности, ставил рядом один или два восклицательных знака. И заставлял то же проделывать в наших тетрадях.

Был у него пунктик. Нет, даже два. Первый: он был уверен, что настоящий инженер должен все расчеты выполнять на логарифмической линейке. Современные студенты, думаю, вообще не знают, что это за прибор, его примерно в восьмидесятых годах вытеснил электронный калькулятор. Чтобы освоить эту линейку, нужно было проявить некоторое упорство, многие не хотели и расчеты выполняли на еще более древнем изобретении – арифмометре.

Самым распространенным был арифмометр под названием «Феликс». Внешне он напоминал кассовый аппарат в магазине, где все операции производились вращением ручки. Скажем, чтобы умножить какое-то число на три, нужно было установить это число на барабане, прокрутить ручку три

раза и на каретке получить результат. Точность была очень высокая, до девятого знака после запятой. Забавно выглядел студент, вращающий ручку, как кассирша в магазине.

Курылев, принимая курсовую работу, часто возвращал её с загадочной фразой: «Пересчитай, уважаемый. Слишком точно, потому и сомнительно». Мы не могли понять, что это за придирки. А потом дошло. Линейка давала точность до второго знака, а студент, получив свои результаты с помощью «Феликса», вписывал цифры с точностью знака до четвертого, гордо полагая, что чем точнее, тем лучше. Потом этот студент, матерясь и про себя, и открыто, переписывал работу, округляя все до второго знака после запятой.

Между прочим, многие все же освоили логарифмическую линейку и потом были благодарны Курылеву, потому что на линейке можно было производить операции с тригонометрическими функциями, а без них в электротехнике переменного тока вообще не обойтись.

Второй пунктик Павла Ивановича заключался в том, что на экзамене он неизменно спрашивал, по какому учебнику готовился. Нас предупредили старшекурсники: «Отвечайте, что по вашим лекциям, Павел Иванович. Или любой учебник тоже можно упомянуть, только не Воронкова. Этот Воронков уже четвертый раз в Москве заворачивает докторскую Курылеву, он учебник этого профессора считает бульварной книжкой. Лучше действительно по нему не готовиться, у Воронкова обозначения и схемы немного отличаются от курылевских. Тот вмиг разгадает, больше тройки не получите, а то и вовсе завернет».

А учебник Воронкова был хорош. И мы многое брали из него, только обозначения оставляли из лекций. И все, кто освоил предмет, сдавали благополучно. Правда, некоторые пролетали, кто на динамике, кто на кинематике, но это не в связи с коварным Воронковым. А в целом Курылев был классный преподаватель.

У нас было несколько практик. Первая, ознакомительная, была в Черемхово. Она была короткой. Нас водили, возили, показывали, рассказывали. Мы, которые впервые на горных разработках, слушали, раскрыв рот. Однажды нас облачили в горняцкое снаряжение, надели каски с фонарем и спустили в шахту им. Кирова. Мы шли в полутьме по рельсам до забоя, было сыро и душно, а по мере приближения к забою иногда слышалось потрескивание. Это трещала деревянная крепь, слабо и редко, но ощущение было мерзопакостное. Экскурсовод нас успокоил, сказал, что все рассчитано с запасом, а потрескивание – это нормально, обрушений никогда не бывает. Я не то чтобы испугался, но вся эта обстановка мне активно не понравилась, и я решил, что в шахту больше не поеду.

А потом был Храмцовский карьер. Там мощные шагающие экскаваторы вскрывали угольный пласт, отбрасывая в сторону предварительно взорванную породу. Затем взрывали сам пласт, чтобы он потрескался и небольшие экскаваторы с пятиметровым ковшом черпали уголь прямо из пласта и грузили в вагоны-углярки. Мы наблюдали за этими взрывами, за кра-

сивой работой шагающих экскаваторов, и у меня созрела уверенность – трудиться буду только на открытых разработках...

Больше всех мне запомнилась последняя, преддипломная практика. Прежде всего в верхах было принято революционное решение не платить на период этой практики стипендию, а направить студентов рабочими, пусть сами зарабатывают на хлеб и заодно собирают материал для дипломного проекта. Мы опять попали в очередное хрущевское нововведение.

Нас, четверых парней, направили в Черемхово на монтаж уникального, пока единственного в стране вскрывного экскаватора со стрелой 65 метров и ковшем 35 кубов. В Черемхово собирались открыть новый, Сафроновский, карьер, где пласт угля был примерно 6 метров, а порода над ним колебалась от двадцати до сорока. Вот этот грандиозный экскаватор должен был, стоя на пласту, черпать породу и отбрасывать её в сторону.

Нам присвоили самый низкий рабочий разряд и направили на монтажный участок. Участок этот представлял собой вырубленную в лесу поляну, к которой подвели электричество, железнодорожную ветку, почти год свозили туда детали, привезли цистерну солярки и вагон необработанных шпал.

К моменту нашего приезда были смонтированы четыре гусеничные тележки, и на них огромная нижняя плата, на которой предстояло установить все механизмы и системы машины. Мы вошли в вагончик и увидели за столом бригадира и начальника участка, они что-то обсуждали за заваленным чертежами столом. Бригада из 18 человек лежала на полу, курила и ждала разрядки.

Руководил этим монтажом высокий, горбоносый мужик с трубкой во рту, большой волчьей шапке и унтах на собачьем меху. Бригадир, пожилой крепкий мужчина в телогрейке, прочитал наше командировочное удостоверение и представил нас начальнику и бригаде. Бригада лежала на полу вагончика в телогрейках и подшлемниках на головах. Все критически нас осмотрели, затем начальник закрепил нас за опытными монтажниками, сказав при этом:

– Ну, что же, есть указание из управления учить этих студентов. Делиться, так сказать, навыками. Следите, чтобы они с поворотной платформы не грохнулись, там ограждения нет. А вы, ребята, не лезьте без разрешения никуда.

Потом, критически осмотрев нашу одежду, буркнул бригадиру: – Егор, приодень студентов как положено.

– Так где я возьму, шеф?! Штанов ватных нет, шлемов с подшлемниками тоже. Вон даже у наших все телогрейки сваркой прожгли, давно заменить пора, где я для этих «скубентов» еще найду?

– Ладно, поищи б/у, а я сейчас в управлении под этих студентов что-нибудь выцганю.

И он сел в свою «Волгу» и укатил в город. И он, и бригада его здорово напоминала бывших эков. Они курили, сидя на корточках и прикрывая папиросу в кулаке, матерились через слово, и в разговоре часто проскакивали лагерные слова. Как потом выяснилось, начальник участка действительно

отсидел в лагерях более десяти лет. Был он отличным студентом Иркутского горного института, должен был защищать диплом, но его лучший друг, студент-стукач, сообщил органам, что Александр Исаев (назовем его так) рассказывает злые антисоветские анекдоты. Ну, его в тот же вечер повязали и осудили на десять лет по 58-й статье. Вот он и отсидел вместо десяти двенадцать лет, потом освободили, реабилитировали. Ну, он оказался упорным – и в лагере работал бригадиром механиков, и на свободе тоже пошел работать в монтаж, заочно доучился и получил диплом. А потом возглавил монтажный участок, и вот уже лет десять мотаются они по области, монтируют экскаваторы.

А бригадир и половина его команды действительно тоже сидели и вместе со своим шефом работали в той лагерной бригаде. Он собрал их после освобождения и еще других нескольких нашел – и получилась классная бригада настоящих монтажников, где все умеют многое, где каждый может заменить другого.

Нам точно повезло попасть на этот участок. Бригадир и остальные, хоть и производили впечатление уголовников, на самом деле были отличными мужиками. Они действительно нас обучали всему, что знали сами. Я, к примеру, научился электросварке и газовой резке металла, такелажному делу и чтению чертежей очень быстро. Наставник мой, Коля Вошило, молодой парень в вечно распахнутой на груди телогрейке, был самым расторопным и безотказным в бригаде. И он стал поручать мне многое, сначала приглядывая, а потом я выполнял некоторые задания уже самостоятельно, чем чрезвычайно гордился. И не важно, что я сжег электросваркой отличный шерстяной пуловер, превратив его в решето, зато я был горд своими трудовыми достижениями.

Экскаватор был изготовлен на Новокраматорском заводе тяжмаш, в единственном опытном экземпляре, поэтому многое не сходилось с проектной документацией. Для доделок на месте и решения спорных вопросов на площадку прислали шеф-инженера, грамотную молодую и хрупкую девушку Лиду. Все было бы здорово, но Лида эта была интеллигентна сверх меры, говорила грамотно и вежливо и вообще производила впечатление библиотекарши. А публика наша из цензурных слов употребляла только междометия для связки, а все остальное непечатное, но все друг друга прекрасно понимали. Коля Вошило да и многие другие испытывали серьезные затруднения при необходимости объяснить ей проблему.

Поворотная платформа состояла из двух сваренных металлических плоскостей, одна над другой метра в два, а внутри перегородки, образовавшие различные помещения для механизмов. А в задней части был большой отсек, в который нужно было уложить почти четыреста чугунных отливок разной конфигурации в качестве противовеса. Отливки эти были свалены в огромные кучи, на них имелась маркировка, и их следовало укладывать по чертежу, как пазлы – каждый строго на своем месте. И часто мы с Вошилой, отыскав нужную отливку, цепляли её на кран трубоукладчика, Коля вез её до платформы, а я пытался уложить на место, но она, зараза, не входила.

Коля бежал к Лиде, начинал разговор, а я трясся за редуктором от смеха. Коля говорил:

– Слышь, Лида! Опять твои, бл..., ну эти, конструкторы, спорили ху..., это, как его, ошиблись нах... Мы со студентом хотели втолкать Б14, как нарисовано, а она, бл... не лезет. Зае... это, утомил сраный ваш противовес. Ни одна бл... херовина ваша не лезет.

– Хорошо, Николай, – тихо отвечала Лида, – я свяжусь с заводом, там, вероятно, действительно напутали с маркировкой.

В конце концов делегация обратилась к шефу:

– Шеф, ну убери ты Лидку! Хорошая баба, грамотная, но невозможно с ней разговаривать, каждое слово думать надо. Стесняемся мы её. Вот прошлый раз монтировали 15-кубовый, так там был Марченко шефом, отличный мужик.

Исаев обсудил с Лидой ситуацию, попросил не обижаться и действительно отослал Лиду с прекрасной характеристикой, сославшись на сильный сибирский мороз, трудно переносимый этой хрупкой девушкой. А потом приехал Марченко, крепко сбитый мужичок с круглым щекастым лицом, маленькими веселыми глазками и двойным подбородком. На шее лоснился тройной загривок большого любителя сала. У него в Черемхово была давняя подруга, у которой он поселялся каждую командировку.

– Вот хрен с бугра, у него, слышал, в каждом горнячком городе бл... ну, в смысле, подруга проживает, – восхищенно сообщил мне Коля.

Марченко приезжал к обеду, деловито выслушивал очередные замечания, связывался с заводом, и все как-то разруливалось. Правда, Лида крутилась на площадке весь день, а Марченко в основном пропадал в городе, у своей зазнобы, или в пивной. Кроме того, он предпочитал сам ничего не решать, даже мелочь непременно согласовывал, поэтому решение проблем шло значительно медленнее. Но зато монтажники не напрягались.

К новому году предстояло решить серьезную техническую задачу. На земле сварили тяжеленную конструкцию из огромных труб и швеллеров, которая называлась «надстройка». Её нужно было поднять, закрепить в шарнирах на крыше поворотной платформы. Наверху был огромный шкив, через который тросами поднимался ковш. Вся эта конструкция была уникальной, как и чем подымать эту громадину на двадцатиметровую высоту, никто не знал. Потом шеф и бригадир придумали, как поднять эту надстройку нашими силами, разработали подробную программу действий, и мы пять дней подымали её на крышу. Верхние шкивы располагались теперь на высоте 47 метров, высоте пятнадцатипятиэтажного дома.

Главная радость – мы выполнили годовой план по установленному оборудованию. Какой-то мудрец, составляя планы, постановил главным критерием успеха вес установленных конструкций. И не важно, что с каким-нибудь малым редуктором приходилось возиться две недели, главное – вес. А эта бандура весила столько, что мы перевыполнили все. И на радостях шеф откупил ресторан «Белый лебедь», мы сбросились на закусон, а Исаев привез два ящика водки.

Ресторан с романтическим названием «Белый лебедь» располагался напротив нашего общежития и был, по существу, занюханной рабочей столовкой. Но в шесть столовка закрывалась, на столы стелили когда-то белые скатерти, в меню появлялись названия «антрекот», «ромштекс» и, не побоюсь этого слова, «эскалоп». Все эти блюда с иностранными названиями предательски напоминали обыкновенную советскую котлету. К восьми подтягивались посетители, шахтеры преимущественно в пиджаках, надетых на майку, и изредка некоторые с девицами. Мы почти каждый вечер наблюдали в окна, как количество выпитого пива и водки переходит в качество. Там разгорались серьезные войны, раздавался басистый мат и визгливые женские вскрики, и иногда поверженные воины выбрасывались с крыльца, извините, мордой в сугроб.

Этот наш корпоратив продолжался долго. Где-то в середине вечера ко мне присел начальник, изрядно выпивший, но державший себя в стременах, мы разговорились, и тогда я узнал о его трудной судьбе. На вопрос, что было дальше с другом-стукачом, шеф помолчал и грустно сказал:

– Да живет где-то, сучонок. Знаешь, что обидно? Я ему больше всех доверял. Мне один парень говорил, чтобы я присмотрелся, не очень-то верил, а я как слепой. Выходит, сам дураком был. Подставился. Да время такое было, половина друг за другом следила. Всех не учуешь.

К марту стал «вырисовываться» экскаватор. Было установлено почти все оборудование, поворотная платформа обшита металлическими листами, на «кострах» из шпал уже лежала на земле смонтированная стрела. Оставалось прикрепить к ней ковш, установить на место, соединить с лебедкой канатом толщиной в руку – и все, можно налаживать системы.

Однажды приехал шеф весьма возбужденный. С порога он объявил:

– На днях будет у нас делегация из области. Из обкома, ну, и наши черемховские тоже, и журналисты из «Восточки». Слышь, Егор, я тут в управе подсуетился, завтра привезу новые бушлаты, подшлемники всем, рукавицы, а то хрен знает, на кого похожи. Говорят, для газеты снимать будут. А на студентов не дали. Ты им подбери, что почище да поновее. И приברי здесь, на площадке. Вон обрезки всякие, шпалы, хлам. Чтоб блестело все!

Назавтра действительно монтажники приоделись, а нам бригадир заменил робу на более чистую и без подпалин. И площадку мы прибрали. А потом приехали две «Волги» с делегацией, там было черемховское начальство, из Иркутска какой-то очень важный, пара членов пониже рангом и две девушки, журналистки из «Восточки», с парнем-фотокорреспондентом. Шеф расцвел, он порхал по площадке, как опереточный герой-любовник, рассказывал, показывал, объяснял, обращаясь главным образом к журналисткам. Они, раскрасневшиеся от такого внимания, осторожно передвигались в своих сапожках на высоком каблуке и строчили в блокнотах. Начальство внимало с серьезными лицами. Мы все делали вид, что работаем, но таранились на делегацию, тоже в основном на журналисток.

– Это грандиозная техника, правда-правда! – щебетала одна журналистка, наверное, главная. – Мы напишем подробный репортаж, пусть все

знают, какие люди и в каких трудных условиях вдыхают жизнь в уникальную технику. Вот сейчас мы сделаем несколько снимков бригады на фоне экскаватора, и вас, товарищ Исаев, отдельно.

Я был благодарен судьбе, что мне довелось поработать на настоящей работе, с настоящими мастерами своего дела. И кроме всего, этот экскаватор был заполнен под завязку новейшим в то время электрооборудованием, системами управления и гидравликой. И мы действительно многое почерпнули, что дало возможность мне, к примеру, защититься на «отлично».

У меня оказался один из самых высоких на нашей специальности средний балл. И меня оставили на кафедре преподавать студентам, вернее вести практику и лабораторные по электроснабжению предприятий. Было трудно. Многие студенты были моими знакомыми, они не воспринимали меня как преподавателя. Ну действительно, вчера балдел с ребятами в общаге, а сегодня учит с постной физиономией. Немного спасало, что практика – не экзамен, не надо оценки ставить в зачетку.

Потом как-то все утряслось, занятия пошли ровно. На кафедре ко мне относились хорошо, без подколов, и я стал подумывать о своем преподавательском будущем. Об аспирантуре, защите, о кандидатском минимуме.

На кафедре случилось горе. Внезапно умер наш старший преподаватель по промышленной электронике Разумовский. Это был угрюмый молчаливый неухоженный пожилой человек, ровесник нашему заведующему кафедрой Михаилу Федоровичу. Он прилично пил, иногда являлся на занятия со следами вчерашней пьянки, и тогда говорил невнятно, с отвращением и к предмету, и к студентам. Но Михаил Федорович всегда его защищал, и все знали, что они друзья уйму лет. Мы удивлялись, почему этот Разумовский до сих пор в старших преподавателях, без кандидатского звания хотя бы. Ведь в то время их молодости защитить было значительно легче, чем теперь.

И вот он внезапно умер. На заседании кафедры создали комиссию по организации похорон и меня, как самого молодого, объявили председателем этой комиссии. Я чуть не упал со стула.

– Помилуйте, почему я?! Мы с Разумовским вообще не были лично знакомы. Он на кафедре столько лет, что, нет кого-то поближе? Я вообще ассистент, даже не старший преподаватель, и работаю только год.

– Ты молодой, активный, и нет тут ничего сложного. Мы поможем, – отрезал Михаил Федорович.

И началась беготня. Некролог в газете, всякие переговоры с родственниками и кладбищем, с поминками, оформлення и оповещения и еще масса всяких мелочей. Словом, я два дня бегал как сумасшедший. Но все утряслось, похоронили мы Разумовского достойно, в столовой на поминках прозвучали трогательные речи, из которых следовало, что это был лучший преподаватель современности, отличный человек и семьянин. Я лично сильно в этом сомневался.

На поминках Михаил Федорович очень перебрал. И почти потерял способность самостоятельно передвигаться. Мы с молодым преподавателем

Димой взяли нашего зав. кафедрой под руки и повели домой. По дороге он совсем ослаб и попросил передохнуть. Мы присели на лавочку и закурили.

Михаил Федорович сидел тихо, прикрыв глаза. Мы решили, что он заснул. Вдруг он произнес внятно, как трезвый:

– А ведь это я Виктору (Разумовскому) жизнь сломал.

По всему было видно, что ему необходимо было выговориться. И он рассказал нам эту историю...

Они с Разумовским в 36-м году окончили Томский горный институт, и их как лучших студентов направили в Иркутск на укрепление преподавательского состава. Наш будущий зав. кафедрой был уже членом партии, его сразу выбрали партторгом факультета. А потом через год его однажды вызвал к себе партторг института и сообщил при закрытых дверях, что руководство партии обеспокоено снижением идейности в преподавательской работе. Часто хвалят иностранных ученых, а достижения своих затеяют. Мало или совсем не пропагандируют преимущества советского строя. Мол, вам на факультете нужно провести собрание и разобрать поведение не менее чем пяти преподавателей, желательно из старых, еще дореволюционных кадров.

– Да ты не волнуйся, Михаил! Это мероприятие для галочки, для отчета. Поговори с теми, кого наметишь, чтобы они сами покаялись, ну, вынесите им предупреждение и все.

Михаил уговорил четверых, а с пятым вышла заминка. Тогда он обратился к своему лучшему другу Разумовскому:

– Витя, выручай! Тут надо собрание провести по поводу снижения идейности, партия требует. Выступи, покритикуй себя, что много терминов и названий иностранных употребляешь и еще чего-нибудь вроде этого.

– Так у нас в горном деле почти все обозначения иностранные, немецкие в основном. Ты вроде не знаешь.

– Вот и скажи, что вынужден, и призови разработать новые, русские аналоги всех названий и терминов. А мы тебе для проформы поставим на вид.

– Да за какие грехи? Я вроде, наоборот, выступлю за исправление учебников.

– Говорю, это же для проформы, ну, игра такая, они сверху требуют усилить идейное содержание, мы вроде отреагировали.

Собрание провели, покритиковали, протокол собрания Михаил передал партторгу института и успокоился. А потом тех пятерых арестовали. Михаил бросился к партторгу: как же так, говорил, что только пожурить для галочки, а тут НКВД.

– Миша, дорогой, да я сам не знал, что так дело обернется. Сказали, что символически наказать, нацелить, так сказать, преподавательские кадры. Ты не волнуйся, побеседуют и отпустят. Я уверен, органы разберутся.

Михаил Федорович помолчал, потом сказал зло:

– Все он, сволочь, знал с самого начала! Наплел мне, зеленому дураку, я и поверил. Его самого, между прочим, в 38-м арестовали и расстреляли, наверное. О нем никто больше ничего не слышал.

А Разумовский получил восемь лет за пропаганду и агитацию, ведущую к подрыву социалистического строя. В 49-м его выпустили, больного и

злого на весь мир. Михаил пришел к нему, снимавшему угол у какой-то бабки, каялся и объяснял, что парторг, сволочь, его обманул тогда. Они крепко выпили, Разумовский все простил, потом Михаил стал устраивать Виктора на работу.

К студентам Виктора близко не подпускали, даже лаборантом не брали. И в других местах кадровики тоже отмахивались. А однажды один из них, понизив голос, посоветовал:

– Уезжай лучше из города подальше. Видишь, новая волна началась, военных забирают, старые дела пересматривают, как бы тебе снова не загреметь.

И уехал Виктор на прииски, на реку Лену, потом где-то еще прокрутился до 56-го года, пока его не реабилитировали. Тогда Михаил взял его на работу лаборантом, а потом выбил для него должность старшего преподавателя. Так он в этой должности и закончил свой жизненный путь.

Мы все долго молчали. Наконец почти протрезвевший Михаил Федорович тихо и грустно сказал:

– А талантливый он был, Витька, способнее меня, это точно. Сейчас бы доктором наук был, к бабке не ходи. Сломал я ему жизнь.

Нам было его жалко, нашего зав. кафедрой. И Разумовского было жалко. Сволочное было время. Мы проводили Михаила Федоровича. Назавтра он явился, как всегда, тщательно выбритым и застегнутым на все пуговицы. Потом он подошел к Димке и спросил, глядя в сторону:

– Я, кажется, наговорил вам вчера всякой всячины? Перебрал, не помню ничего.

– Да нет, Михал Федорыч, ничего такого не было. Вы вообще почти не говорили, молчали всю дорогу.

– Ну и ладно. А то заспал, ничего не помню, как вчера до дому добрался. Спасибо, что проводили.

Больше мы об этом не говорили. У меня иногда возникал вопрос, сколько же еще скелетов в шкафу хранятся в судьбах старших товарищей...

Я проработал в институте год, потом ушел по семейным обстоятельствам и устроился на оборонный завод в Ангарске, где проработал тридцать лет. Там была чистая электрика, и вся горная часть моих знаний мне никогда в жизни не понадобилась. Но это уже другая история.

While We Were Young (Excerpts of Memoirs)

S. A. Arbitman

Abstract. S. A. Arbitman wrote several biographical works like «What is past, is past», «Sasha, Sashenka, Alexander». The excerpts, included in the article, are taken from S. A. Arbitman's biographical memoirs "While We Were Young" which cover the author's studentship, spent in Irkutsk in the late 1950s – the early 1960s.

Keywords: Irkutsk, memoirs, Metallurgical Institute, studentship

Арбитман Соломон Абрамович
Израиль
e-mail: arsol@inbox.ru

Arbitman Solomon Abramovich
Israel
e-mail: arsol@inbox.ru